Н.В.Трофимова

К ПРОБЛЕМЕ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ «ПОВЕСТИ О ТИМОФЕЕ ВЛАДИМИРСКОМ» И «КАЗАНСКОЙ ИСТОРИИ»

«Повесть о Тимофее Владимирском» долгое время не привлекала внимания исследователей, в литературоведении XX века о ней была написана лишь одна работа М.О.Скрипиля[1]. Между тем повесть эта, вошедшая во многие антологии[2], на фоне литературы конца XV — начала XVI в., времени, к которому отнес ее М.О.Скрипиль, выглядит *необычной*.

Бесспорно, события, легшие в основу повести, укладываются в исторический промежуток, указанный исследователем,— 60—70-е годы XV в.: реалии повести относятся ко времени правления Ивана III. Но в полной мере вопрос о времени написания произведения нельзя считать решенным. Уже у М.О.Скрипиля были колебания в датировке памятника. Основой для них послужил заключительный фрагмент повести, сохранившийся в большинстве списков, представляющих первую редакцию: «Сия же повесть многа лета не написана бысть, но тако в людех в повестех ношашеся. Аз же слышах от многих сие и написах пользы ради прочитающим, да не отчаются согрешившии спасения своего, но притекут ко всемилостивому Богу истинным покаянием и отпущение грехов получат, и жизнь вечную сподобятся прияти и в безконечныя веки на небеси с преподобными имут царьствовати» (304).

М.О.Скрипиль полагал, что либо эта фраза отражает реальность, и тогда произведение действительно написано вскоре после описываемых событий, пока они еще не успели обрасти фольклорными преданиями, либо это обычное для древнерусской литературы «умаление своих авторских заслуг» (291), и тогда вопрос о времени создания произведения усложняется, хотя в любом случае, по его мнению, черты эпохи, переданные в повести, не могли бы сохраниться в отдаленное от нее время, а потому повесть написана на грани XV—XVI вв.

Н.С.Демкова в примечаниях к изданию повести в серии «Памятники литературы древней Руси», отмечая агиографическое начало в образе главного героя, в то же время пишет: «Необычность

"Повести" (при сопоставлении с другими агиографическими повествованиями о грешниках) — в крайней экзальтации ее главного героя, напоминающей о принципах описания человека в литературе XVII в.»[3]. Исследовательница сближает эту повесть с произведениями XVII в., в том числе с «Повестью о Горе и Злочастии», не углубляясь в причины этого явления. Мысли Н.С.Демковой тем более заслуживают внимания, что вообще в древнерусской литературе сохранилось небольшое количество произведений, посвященных взаимоотношениям Руси и Казани. Летописи XV–XVI вв. содержат повести о походах казанцев на Русь и русских князей в Казань. По-настоящему широко интерес к казанской теме проявился в литературе только в середине XVI в. в связи с присоединением Казани к Руси в 1552 г. Вскоре после этого события появились описания казанского похода Ивана IV в Никоновском лицевом летописном своде, Степенной книге, «Истории о великом князе Московском» Андрея Курбского, Троицком сочинении о взятии Казани, «Казанской истории». Из них только «Казанская история» рассказывала об истории взаимоотношений Руси и Казани и о событиях, происходивших в Казанском царстве в предшествующие века, в форме связного историко-беллетристического повествования. Автор этого произведения хорошо знал русские и татарские источники, письменные и устные, по истории Казани. Между «Повестью о Тимофее Владимирском» и «Казанской историей» обнаруживаются некоторые точки соприкосновения.

Эпоха, отраженная в «Повести о Тимофее Владимирском», присутствует и в «Казанской истории». Иван III изображен в произведении прежде всего как правитель, при котором пришел конец золотоордынскому игу. Описывая это событие, автор передает легенду о потоптании Иваном III ханского ярлыка и о стоянии на Угре. Кроме этого, рассказано о событиях 1487 г., когда в битве на Свияге московское войско победило казанцев и Иван III посадил на казанское правление своего ставленника Махметемина (Магомед-Эмина). Именно в связи с последним эпизодом впервые появляется очень важный для «Казанской истории» мотив измены. Махметемин изменяет своему покровителю, московскому князю, по научению «злой жены». За измену и убийство русских людей Махметемин, уже после смерти Ивана III, наказан неизлечимой болезнью, которая заставляет его покаяться в грехах Василию III. Махметемин посылает Василию III царские дары, но болезнь все же, несмотря на покаяние, кончается смертью: «Махметемин житие свое скончав, жив червьми изъеден, яко детоубийца Ирод» (64)[4].

Мотив измены еще дважды повторяется в «Казанской истории». Первый раз — в рассказе о князе Чапкуне, который сначала ушел из Казани на службу к московскому князю, где был принят с почетом и служил пять лет. Затем, когда Казань приняла московского

ставленника Шигалея, Чапкун отпросился у царя домой, чтобы привезти жену и детей, а сам остался в Казани и встал во главе заговора против Шигалея. Позже, во время осады Казани, он убеждал соотечественников сражаться до последнего, не внимая миролюбивым предложениям Ивана IV. В конце осады он был убит разъяренными казанцами.

Последний эпизод, связанный с изменой,— рассказ о судьбе предателя из русских, «воина полка царева, родом Колужеска града, именем Юрьи Булгаков, лют сый и неправеден» (141). Он выдал казанцам тайну подкопов и состояние московского войска, послав в город грамоту на стреле. Это не помогло врагам: подкопов они обнаружить не смогли, «Богу укреплешу» (141). После победы московского войска Иван IV спросил Едигера, не было ли предателей в его войске, и Едигер показал ему грамоты Булгакова, после чего предатель был жестоко казнен.

Для «Повести о Тимофее Владимирском» мотив измены — один из основных в сюжетном развитии: она рассказывает о священнике, совершившем грех и бежавшем в Казань, опасаясь наказания. В Казани он становится воеводой и сражается на протяжении тридцати лет против своих соотечественников. Хотя затем он и раскаивается в измене, но, получив от князя и митрополита прощение и разрешение вернуться на Русь, умирает.

Таким образом, в представлении авторов обоих произведений измена, предательство неизбежно влечет за собой смерть как наказание, даже раскаяние и прощение грешника в этом случае может спасти его душу, но не земную жизнь. Это представление о преданности московскому князю, наказуемости предательства актуально для XVI в. с его апофеозом великокняжеской и царской власти.

Второй мотив, сближающий произведения,— мотив спасения пленника иноверцем.

В «Повести о Тимофее Владимирском» Тимофей, которого бежавший из плена отрок принял за соотечественника, тронутый просьбой отрока не убивать его, разрешает ему уехать на Русь, поручая ему испросить милость у митрополита и князя — разрешение вернуться на Русь и уйти в монастырь. Он назначает ему встречу в *«уреченном месте»* через два месяца.

В этом эпизоде появляется и еще один мотив, присутствующий в обоих произведениях,— мотив грамот с печатью. Тимофей просит отрока: «Да рукописание бы прощения мне во всем написав, и двема печатми запечатав, великаго князя печатью, да своею другою печатью, да тогда веру иму» (302). В Москве митрополит и князь решают простить Тимофея, «и написавше грамоту и запечатавше своими печатми и послаша со отроком к бусорману тому...» (303).

Выполнивший поручение Тимофея отрок возвращается в условленное место, два дня ждет его, в третий день видит, как Тимофей

«гнаше полем» (303) и решает «искуситъ» его, спрятавшись. Тимофей приходит и, не видя отрока *«во уреченный час и день»*, «свержеся с коней своих долу на землю и *плакася велми горко*, яко могущу что и самое камение с собою на плачь подвигнути» (303) (выделено мною.— Н.Т.). Затем отрок показывается ему и передает грамоту.

В «Казанской истории» сходный эпизод — спасение из плена князя Шигалея, московского ставленника на казанском престоле, Чурой, казанским вельможей, пожалевшим пленника. Чура, отпустив Шигалея, назначил время встречи с ним «на украинах русских», зная, что одному ему не убежать от казанцев. Но от страха Шигалей «забы пождати друга своего вернаго... *на месте уреченнем*» (81). Чура выехал из Казани, собрав всех, кто хотел бежать на Русь, через десять дней, и «догнав места уреченнаго и не обрете царя, ждуща его, *И горко ему бысть в той час*» (82). Та ситуация, которая была «искушением» в «Повести о Тимофее», в «Казанской истории» реализована как свершившаяся. Чуру догнали и убили казанцы, «яко прелагатаи есть Казани» (82), то есть за предательство. Но при этом автор оправдывает Чуру тем, что казанцы сами преступили клятву верности, данную Шигалею, и сделали его не царем, а пленником.

Перед побегом Шигалея Чура «вдасть ему грамоты их (подтверждающие сношения московских воевод с казанцами.— Н.Т.) веры для за печатми» (80). Шигалей, приехав в Москву, дает доказательства измены казанцев, «показав грамоты их златыя за печатми их» (83). Как и в первой из повестей, грамоты здесь — подтверждение достоверности сообщений, а сам мотив их является сюжетным.

В связи с этими эпизодами в том и другом произведении цитируется неточно, видоизменяясь применительно к случаю, одна и та же фраза из Евангелия от Иоанна: «Болши сея любве никто же имать, да кто душу свою положит за други своя» (15.13). В «Повести о Тимофее» об отроке говорится: «То бо есть любовь истинная, кто положит душу свою за брата своего» (303). О поступке Чуры сказано: «И несть болши сея любви ничтоже, аще кто за друга душу свою положит или за господина» (82).

Таким образом, в данных эпизодах наблюдаем комплекс сходных сюжетных ситуаций, сопровождаемых и сходными стилистическими средствами. При этом, если в «Повести о Тимофее Владимирском» сюжет «спасения иноверцем» играет центральную роль, как в развитии действия, так и в характеристике героя, то для «Казанской истории» это один из множества сюжетных эпизодов, который, во-первых, играет беллетризирующую роль, во-вторых, позволяет автору показать одного из казанцев — «положительных»

героев, которых немало в произведении, и, рисуя которых, автор проявляет новое понимание человеческой личности.

В изображении персонажей тоже находим общие черты в том и другом произведении. Главный герой беллетристической повести о Тимофее дважды меняет свой облик в произведении. Сначала это благочестивый священник, затем — грешник, бежавший от наказания в Казань и ставший там свирепым воином, воюющим против соотечественников, который, тем не менее, поет Богородичен 8-го гласа. Наконец, это раскаявшийся и смиренный христианин, получивший, благодаря отроку-пленнику, прощение от Бога. Эти переходы от одного облика героя к другому известны прежде всего агиографии, из исторических повестей XV–XVI вв. чаще других они встречаются в «Казанской истории».

Казанская царица Сумбека — вдова Сапкирея — правила в годы малолетства своего сына. Вначале она показана как правительница, отстаивающая независимость Казани, укрепляющая ее оборону, при этом «прелютая злодеица», которая дважды пыталась отравить Шигалея уже после того, как дала согласие на его воцарение в Казани. Но, как только она оказывается обреченной быть московской пленницей, ее образ приобретает трогательные лирические черты, проявляющиеся в двух плачах, которые вызвали сочувствие даже у ее врагов. В описании печали царицы и ее плача находим несколько фрагментов, почти дословно совпадающих с описанием состояния Тимофея Владимирского. Так, Сумбека говорит: «И уже плакатися не могу — слезы текут ото очию моею, *и ослепоста очи мои от безмерных слез моих, и премолча глас мой* от многаго вопля моего» (99). О Тимофее в минуту раскаяния сказано: «И плакася от полудне того до вечера, донеле же *гортань его премолча, и слезы исчезоста от очию его*» (302).

Рассказывая о состоянии царицы в момент ее взятия в плен, автор пишет: «...и пусти глас свой с великим плачем и *подвизающе с собою на плач и то бездушное камение*» (97). Когда Тимофей не нашел отрока в условленном месте, то «плакася вельми горко, яко могущу что и *самое камение с собою на плачь подвигнути*» (303).

Но затем сочувствие автора Сумбеке сменяется осуждением и изображением ее как упорно не желающей принять крещение. Иначе говоря, направление изменения этого образа противоположно изменению облика Тимофея.

Сходное изменение образа испытывает не только Сумбека, но и последний казанский царь Едигер. О Тимофее Владимирском сказано: «Ох, увы, первие бе чиститель и говеин священник и предстатель престолу божию и поручник грешных душ, потом же зол гонитель бысть и *лют кровопийца* христианеск и воевода в Казани храбр» (301). Об изменении Едигера после крещения читаем:

«Иже иногда бывый *лютый* волк и похищник и *кровопийца*, ныне же явися кроткое и незлобивое агня христовы ограды; живоносныя паствы благия» (171). Мысли в приведенных отрывках выражены сходными синтаксическими конструкциями с использованием общих и даже идентичных словесных приемов.

Интересно и совпадение внешних портретных черт и средств их изображения в образе Тимофея Владимирского и героев «Казанской истории». Тимофей, «видя отрока *ярыма* своима *очима звериныма* и *похватив мечь* наг и хоте отроку *главу отсещи*» (301—302). Улу-ахмет «возведе *очи* свои *зверины*» (51), у Аталыка «*очи*... кровавы, аки *зверя человекоядца*» (70), в момент неожиданного нападения русских «не успевшу ему ни палицы железныя, *ни меча похватити* в руку свою» (70), Шигалей после воцарения в Казани «мало... на коего казанца оком *ярым* поглянув и перстом укава, они же вскоре того часа *мечи на кусы рассекоша*» (104).

Авторы и того и другого произведения нам неизвестны. Но если автор «Повести о Тимофее» не упоминает о своей судьбе, то некоторые сведения об авторе «Казанской истории» мы получаем из его рассказа. Он сообщает, что был взят в плен, попал к царю Сапкирею, служил при его дворе двадцать лет, беседовал с царем и вельможами об истории Казани, читал казанские летописи. «Во взятие же казанское изыдох ис Казани на имя царево московского. Царь же мя крести, вере христово причте и *мало земли ми уделом дасть*. И нача служити ему верно» (44). Некоторые черты этих биографических сведений совпадают с фактами жизни героев «Повести о Тимофее». Как и Тимофей, автор в Казани был вынужден принять мусульманство и служить казанскому царю, правда, неясно, в каком качестве. Служил он там 20 лет, а Тимофей — 30, причем, видимо, обе даты округлены. Известие о последнем событии в жизни пленного отрока из «Повести о Тимофее» и автора «Казанской истории» практически совпадает: «Князь же и митрополит все имение тимофееве повелеста отроку тому отдати. Еще же к тому князь и *земли удел даде ему*» (304).

Оба автора используют в своих произведениях текст Библии и богослужебные тексты, причем приемы их введения в текст близки в обоих произведениях. Автор «Казанской истории» цитирует, часто неточно, и Ветхий, и Новый Завет, довольно часто дополняя или видоизменяя первоисточник, как мы уже видели в связи с цитатой из Евангелия от Иоанна, совпавшей с «Повестью о Тимофее». Второй автор также использует неточные цитаты, а в одном случае приводит правильно, но неверно атрибутирует цитату из Книги пророка Иеремии 15.19: «И помянуша они *евангельское* слово реченное: "Аще изведеши честное от недостоинства, яко уста моя будеши"» (303). Книга эта неоднократно цитируется и автором «Казанской истории».

Жанровая принадлежность обоих памятников явно неоднозначна: в «Повести о Тимофее Владимирском» присутствуют элементы исторической повести, житийного и сюжетного беллетристического повествования. В структуре жанра «Казанской истории» совмещаются элементы еще более разнородные: летописные, воинские, агиографические, беллетристические. Несомненна установка того и другого произведения не только на изложение фактов и поучение, но и на создание увлекательного повествования. Жанровое смешение, неопределенность жанра — примета литературы XVI в., создающей сложные и новые жанровые образования (вспомним, например, «Степенную книгу» или «Повесть о Петре и Февронии»).

Изложенные факты позволяют сделать некоторые выводы и предположения. «Повесть о Тимофее Владимирском» и «Казанская история» содержат ряд совпадающих сюжетных ходов, не найденных автором данной работы в других произведениях XV–XVI вв., а также общие приемы в построении некоторых образов персонажей. В связи именно с этими сюжетными элементами и образами появляются в произведениях и сходные, а подчас идентичные словесно-стилистические средства и библейские цитаты. Отдельные факты биографии автора «Казанской истории» совпадают с событиями из жизни персонажей «Повести о Тимофее» и не находят аналогий в других произведениях, близких им по времени. Жанровая сложность повестей также сближает их и напоминает о процессах жанрового синтеза, начавшихся в XVI в. Все это наводит на размышления о том, что повести могут быть ближе друг к другу по времени, чем это принято считать по традиции, и, возможно, типологическое сходство объясняется сходством генетическим. Для решения этих вопросов необходимо провести не предпринимавшееся ранее изучение конвоя «Повести о Тимофее Владимирском» по рукописным сборникам, сравнение первой и второй редакций «Повести о Тимофее Владимирском», датировку новых, не известных М.О.Скрипилю, списков повести, тщательную проверку лексического состава двух повестей и сравнение его с другими памятниками XV–XVI вв.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Скрипиль М.О. Повесть о Тимофее Владимирском // ТОДРЛ. Т. VIII. М.—Л., 1951. С. 287–307. Далее текст повести цитируется по этому изданию; страницы указаны в тексте статьи в скобках.

[2] См.: Русские повести XV–XVI веков. М., 1958; Памятники литературы Древней Руси. Конец XV — первая половина XVI века. М., 1984; Русская бытовая повесть XV–XVII веков. М., 1991.

[3] Памятники литературы древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. М., 1984. С. 677.

[4] Здесь и далее текст произведения цитируется по изданию: Казанская история / Подготовка текста, вступ. статья и примеч. Г.Н.Моисеевой. М., 1954. Страницы указаны в тексте статьи в скобках.